

МОДАЛЬНЫЙ ПЛАН ПОЛИПРЕДИКАТИВНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ С ПАРАТАКСИСОМ И ГИПОТАКСИСОМ

Статья посвящена проблемам рассмотрения терминологического аппарата, используемого при исследовании модальности полипредикативных предложений с сочетанием паратаксиса и гипотаксиса. В статье анализируются различные подходы к определению особенностей модального плана как основной характеристики предикативной единицы.

Ключевые слова: полипредикативные предложения, модальный план, предикативная единица, паратаксис, гипотаксис

I.O.Yeschenko

MODALITY OF THE MULTIPLE COMPOUND-COMPLEX SENTENCE

The author examines the problems of terminology used to investigate modality of the multiple compound-complex sentences. The article analyzes various approaches to determine the peculiarities of the sentence modality being the basic characteristic of a separate predicative unit (subject-verb unit).

Key-words: multiple compound-complex sentences, modality, predicative unit, parataxis, hypotaxis

Целью данной статьи является определение особенностей базовых терминов, используемых при исследовании модальности полипредикативных предложений с паратаксисом и гипотаксисом в современном английском языке.

В процессе изучения модальности лингвисты обычно оперируют множеством терминов, которым они избегают давать детальные определения, поскольку категория модальности настолько объёмна и неуловима, что это довольно сложно сделать. Отечественные специалисты, изучающие модальность, используют следующий терминологический ряд: *модальные аспекты* (К.Н. Мележик, О.В. Серкина, Е.К. Андрианова), *модальные маркеры* (Л.М. Отрошко, М.Н. Щенникова), *модальные планы* (Л.Л. Иофик, К.Н. Мележик, В.А. Белошапкова, Г.Ф. Гаврилова, М.И. Черемисина), *модальные единицы* (Е.Э. Разлогова). Данные понятия порой являются синонимами, достаточно близкими и взаимозаменяемыми.

Западные лингвисты неоднозначно трактуют термины *наклонение* и *модальность*, а также их соотношение. Дж. Лайонз рассматривает модальность «как функциональную, или прагматическую, и в некоторых случаях как семантическую категорию», а наклонение считает «морфологическим выражением модальности» [Lyons 1995: 94].

Ф. Пальмер делит модальные категории на два вида: «*propositional* modality, which includes epistemics and evidential, and *event* modality, which reflects the speaker's attitude towards a potential future event» [Palmer 1990: 7-8]. Кроме того, зарубежные лингвисты выделяют так называемую *динамическую* модаль-

ность – «so-called *dynamic* modality which includes the notional categories of real-world ability, possibility, and intention» [Papafragou 2006: 371]. Наряду с этими видами модальности мы также встречаем следующие термины: агентс-ориентированная модальность – *agent-oriented modalities* [Bybee 1995: 14], корневая модальность – *root modalities* [Traugott, 1989: 39], эпистемически окрашенные модальные единицы – *epistemically coloured modal items* [Hirst 1982: 659], ментальные термины – *mental terms* [Moore 1989: 167].

Изучая простые и сложноподчинённые предложения, отечественные и зарубежные лингвисты в разное время отмечали многоплановость модальности, которая строится из средств разных уровней. С этой точки зрения модальность рассматривали такие лингвисты, как Е.К. Андрианова, В.А. Белошапкова, Г.Ф. Гаврилова, Л.Л. Иофик, К.Н. Мележик, Л.М. Отрошко. Как отмечает К.Н. Мележик, исследовавший модальность простого предложения, «модальный аспект предложения многопланов. Структурно-основным является модальный план, задаваемый наклоном глагола-предиката. Он присущ каждому предложению» [Мележик 2004: 106]. В нашем же исследовании таких модальных планов возникает несколько в пределах одного предложения, что осложняет определение общей модальной перспективы предложения. В состав каждого модального плана полипредикативного предложения, помимо модального глагола, определяющего основную модальность предикативной единицы, могут входить другие модальные слова, выражающие эту же или другую модальность.

В 70-х – 80-х годах в лингвистике используется термин *модально гармоничная фраза* в разных вариантах: *harmonic phrase*, *harmonic combination*, *modally harmonic*, (Lyons 1977, Coates 1983), который предполагает комбинацию модальных вспомогательных глаголов и других модальных слов, выражающих одну и ту же степень модальности: «*modally harmonic describes combinations of modal auxiliary and another modal word expressing the same degree of modality*» [Dury <http://dinamico2.unibg.it/anglistica/slin/modgloss.htm>].

Гармоничная фраза – это такое окружение модального глагола, которое усиливает, повторяет или устраняет возможность различного толкования: «*Harmonic phrase – an element in the context of the modal verb that reinforces, echoes or disambiguates (e.g. I'm sure in: There must be a lot more to it than that. I'm sure it wasn't just that)*» [Coates 1983: 41]. Авторы, использующие данное понятие, считают, что *гармоничная комбинация* – это две формы с одинаковым модальным значением, которые взаимно усиливаются. Модально гармоничные наречия вносят особенно важный вклад в модальное значение: «*Harmonic combination - two forms with the same modal meaning that are mutually reinforc-*

ing. Modally harmonic adverbs would seem to make a particularly important contribution to modal meaning» [Coates 1983: 45]. П. Хемерен развивает учение о комбинаторике модальных средств и приводит примеры средств выражения модальности, которые сочетаются в одном предложении: «*Perhaps he might have built it»* [Hemeren 1978: 11], где слова *perhaps* и *might* усиливают друг друга. Подобные предложения Дж. Лайонз называет *модально гармоничными*. Предложения с несочетающимися по смыслу модальными словами он называет *модально негармоничными* [Lyons 1977: 807].

В нашем исследовании модальности полипредикативных предложений с паратаксисом и гипотаксисом понятие гармоничности необходимо, но недостаточно, в связи с наличием более чем двух предикативных единиц и, соответственно, модальных средств в составе анализируемых предложений. Учитывая структурные и семантические особенности многочастных конструкций, мы предлагаем рассматривать всё многообразие модальных средств полипредикативного предложения сначала в модальном плане, характеризующем отдельную предикативную единицу, а затем определяя модальную перспективу всего предложения.

Термин *модальный план* был впервые использован в работах Л.Л. Иофик, Е.В. Гулыга и их последователей и, наряду с временным планом, был назван одним из аспектов внутренней предикативной структуры предложения, которые находят выражение в глагольных категориях наклонения, вида и времени. Однако, пользуясь данным термином, лингвисты не раскрывают его сущности, и в лингвистических словарях определения данного понятия нет.

По мнению Е.В. Гулыга, в сложноподчинённых предложениях возможно «наличие одного или нескольких модальных планов. В первом случае всё предложение является мономодальным, во втором предложение является бимодальным или полимодальным» [Гулыга 1971: 75]. Согласно ещё одной классификации, «модальный план является конвергентным, если главная и придаточные части имеют одинаковую модальность, и дивергентным, когда главная и придаточные части характеризуются разной модальностью» [Иофик 1968: 17].

Анализируя полипредикативные предложения с сочетанием паратаксиса и гипотаксиса с точки зрения наличия в них одного или нескольких модальных планов, следует отметить их отличие от сложноподчинённых предложений. Оно заключается в большем разнообразии видов модальности, характеризующих каждую предикативную единицу, поэтому для этого типа предложений более уместным представляется использование термина «*полимодальный*», нежели «*бимодальный*».

в одно и то же время и соответственно изучаются как в лингвистике, так и в фольклористике. И эта своеобразная двойственность паремий наиболее отчетливо проявляется на подклассе пословиц и поговорок, составляющих основную массу всего паремиологического фонда.

Прежде всего глубокое проникновение в исследуемый материал привело автора к открытию знакового характера пословиц и поговорок. Было установлено, что пословицы и поговорки есть не что иное, как знаки определённых ситуаций или определённых отношений между объектами или явлениями. Изучая пословичные изречения, автор определяет, что у народов, не состоящих в родстве, не имеющих общения друг с другом и находящихся на разных ступенях общественного развития, встречаются одинаковые по смыслу пословицы. У каждой из этих пословиц свой набор образов, свои, связанные с территориальными и культурными особенностями реалии, но смысл всех изречений, логическая структура, их содержание абсолютно совпадают. Все они, хотя и по-своему, утверждают одно и то же, например: при отсутствии лучшей вещи и худшая может её заменить: русс. : На безрыбье и рак рыба; нем.: У кого нет стула, посидит и на скамье; вьетн.: Нет рыбы, почитают и краба; перс.: Где нет фруктов, там и свёкла за апельсин сойдёт и др. [Пермяков, 1988: 21]. Вся разница между приведёнными пословицами, вся их этническая, географическая и прочая специфика – в их образном строе, в местных реалиях и понятиях, а всё общее – в их логическом содержании, в характере передаваемых ими отношений между объектами реальности. Именно эти отношения, по Г.Л.Пермякову, и составляют основной смысл каждого из этих изречений, поскольку все они соответствуют описанной ситуации.

Без знаков-пословиц сложно представить себе процесс коммуникации, во многих конкретных ситуациях они уместны и органичны. Вместо того, чтобы долго и не всегда удачно описывать ту или иную типичную и часто встречающуюся в жизни ситуацию, например: «если одна вещь порождает другую вещь, то свойства порождаемой вещи сходны со свойствами порождающей», мы употребляем пословицу «Яблочко от яблони недалеко падает» [Пермяков, 1988:265], и каждый, владеющий русским языком, понимает, что в данном случае имеется в виду. Другими словами, данная пословица используется коммуникантами в качестве знака описанной типовой жизненной ситуации. Так же мы поступаем и со словами как знаками объектов, понятий, явлений и т.д.

Обладая знаковым характером, пословица служит соответственно средством номинации, а значит выполняет одну из основных функций языковых единиц – номинативную. Именно эта функция позволяет считать пословицу единицей языка. Номинативным значением обладают прежде всего слова,

этим же значением обладают и словосочетания различной степени устойчивости – важно, чтобы их семантика была нераздельной, цельной, направленной на внутренне единый предмет или явление. «Чтобы быть единицей номинации, - пишет Е.С.Кубрякова, - эта единица должна удовлетворять одному требованию – обозначать, служить наименованием, выделять именуемое как отдельную сущность и величину, осуществлять номинативную функцию, то есть репрезентировать выделенный в акте номинации объект средствами языка и заменять далее этот объект именем в речевой деятельности и в мыслительных операциях с объектом» [Кубрякова, 1986: 38]. При этом под объектом понимается всё, что может быть названо: предмет, процесс, отношение и даже микроситуация, являющаяся номинатом предложения. При таком подходе к понятию номинации все значащие единицы языка, в том числе фразеологизмы с их доминирующей коннотацией в семантической структуре являются номинативными образованиями.

Наряду со знаковым характером и клишированностью пословицы обладают и другими существенными языковыми признаками. Так, и слова, и фразеологические обороты, и пословицы могут обладать мотивировкой своего общего значения, и эта мотивировка может быть как прямой, так и образной. И словам, и фразеологическим оборотам, и пословицам свойственны явления омонимии, синонимии и антонимии. Так, пословицы «Игра не стоит свеч» и «Овчинка выделки не стоит» обладают одним и тем же логическим содержанием, хотя и реализуют его по-разному. Отношение синонимии присуще не только русским пословицам, и функционируя в других языках, пословицы образуют целые синонимические серии, например, в немецком языке логическое правило «если взялся за дело, доведи его до конца, неси при этом все тяготы» реализуется в следующих построениях: „Wer A sagt, muss auch B sagen“, „Wer das Pferd will, muss auch die Zügel nehmen“, „Wer den Wein trinkt, muss auch die Hefe trinken“, „Wer den Teufel im Schiffe hat, der muss ihn fahren“ [Степанова, Чернышёва, 2005: 194]. Наконец, и слова, и фразеологические обороты, и пословицы обладают функциональным сходством и могут выступать в речи в одинаковой или сходной роли. Перечисленные свойства демонстрируют, что пословицы изоморфны единицам языка - словам и фразеологическим оборотам, что позволяет причислять паремии данного типа к явлениям языка.

Как явления фольклора пословицы в отличие от слов и фразеологических оборотов представляют собой особый жанр – класс вербальных образований (текстов), обладающих автосемантической, то есть относительной независимостью от текста, в котором они функционируют. Не имея контекстуальной привязанности, они могут употребляться самостоятельно, в то время как слова

и фразеологические обороты, даже наиболее сложные из них, как правило, выступают лишь в качестве элементов текста. Как и все фольклорные тексты, пословицы обладают той или иной темой, они о чём-то говорят в отличие от слов и фразеологизмов, которые не имеют собственной темы и могут употребляться по самым различным поводам. Как и все фольклорные тексты, паремии-пословицы «обладают тремя чётко выраженными структурными планами – планом лингвистической (и композиционной) структуры, планом логической (и семиотической) структуры и планом реалий» [Пермяков, 1988: 84]. Наконец, паремии – пословицы ситуативны, что свойственно всем паремиям.

Занимая определённое место и в системе языка и являясь в то же время фольклорными текстами, пословицы представляют собой более сложные сущности, чем любые фразеологические обороты. По этой причине Г.Л.Пермяков выделяет их в самостоятельный класс языковых единиц – паремиологический уровень (ярус) языка. В лексиконе языка ярусы подчиняются чёткой иерархии и обладают известной автономностью. «Нижний» ярус – лексический, представляется основным. При помощи его элементов - слов можно выразить всё, в том числе и все те понятия и отношения, которые выражаются посредством фразеологических оборотов и паремий. «Средний» - фразеологический ярус является вспомогательным. Он служит существенным дополнением словарного инвентаря, обеспечивая его разного рода сложными знаками, используемыми, как правило, для выражения понятий, обладающих коннотативной составляющей – яркой стилистической окраской и экспрессивностью. «Верхний» ярус – паремиологический, состоящий из пословиц, поговорок, присловий и других видов паремий служит инвентарём единиц, используемых для обозначения типовых жизненных ситуаций, формулирования и удобного запоминания разного рода логических житейских правил, для прогнозирования будущего и иных прагматических целей коммуникации [Пермяков, 1988: 87].

По меньшей мере, два вида паремий – пословицы и поговорки – входят по мнению Г.Л.Пермякова во фразеологическую подсистему языка. Но если в фольклоре место пословицы неоспоримо, то в лингвистике единого мнения по поводу фразеологической принадлежности пословицы не существует. Вопрос о том, являются ли пословицы фразеологизмами или они всецело относятся к области фольклора, возник давно и был непосредственно связан с проблемой трактовки самого понятия «фразеологизм» и определения объёма и состава фразеологии. В зависимости от того или иного понимания фразеологической единицы исследователи придерживались диаметрально противоположных точек зрения в отношении объёма фразеологии. Это объясняется исключительной сложностью объекта исследования. В большинстве фразеологических

теорий пословица признаётся фразеологической единицей (В.В.Виноградов, В.Л.Архангельский, О.С.Ахманова, А.И.Смирницкий, И.И.Чернышёва, А.Д.Райхштейн, Л.И.Ройзензон и др. – сторонники «широкой» трактовки объёма фразеологии), сторонники т.н. «узкой» трактовки объёма фразеологии исключали пословицу из фразеологического состава в основном в силу некоторых её паремических свойств (С.И.Ожегов, В.П.Жуков, В.Н.Телия, Б.А.Ларин и др.).

В настоящее время с интенсивным развитием смежных с лингвистикой научных дисциплин и активным привлечением в лингвистику результатов проводимых в их рамках исследований фразеологическая теория включает несколько важнейших направлений. Среди них – дальнейшие исследования параметров фразеологичности (идиоматичности, устойчивости), типологии фразеологизмов, исследование семантики фразеологических единиц различных групп, изучение феномена вариативности формы фразеологизмов, когнитивное моделирование актуального значения (для идиом и паремий), исследование нестандартного употребления идиом и другие направления. Следовательно, говорить сегодня о существовании фразеологической теории в полном и законченном виде не приходится, а отсюда – вопрос о фразеологической принадлежности пословиц по-прежнему остаётся открытым.

Литература:

Кубрякова Е.С. Номинативный аспект речевой деятельности. – М.: Наука, 1986. – 150с.

Лингвистический энциклопедический словарь/ Гл. ред. Ярцева В.Н. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 685с.

Оссовецкий И.А. Об изучении языка русского фольклора//Вопросы языкознания, 1952

№ 3.

Пермяков Г.Л. Основы структурной паремиологии. – М.: Наука, 1988. – 235с.

Степанова М.Д., Чернышёва И.И. Лексикология современного немецкого языка. – М.: Academia, 2005. – 252с.

Черкасский М.А. Опыт построения функциональной модели одной частной семиотической системы// Паремиологический сборник. – М.: Наука, 1978. – С.35-52.